ИМЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

ИМЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА

Москва
ИМЛИ РАН
2015

ББК 83.3

Ответственный редактор — *Л.И. Сазонова*

Редколлегия: *Н.К. Гей, Т.А. Касаткина, М.Ф. Надьярных*

Рецензенты:
А.Л. Топорков,
член-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор
Ф.Б. Успенский,
доктор филологических наук, профессор

Имя в литературном произведении: художественная семантика. М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 504 с.

ISBN 978-5-9208-0461-7

В коллективном труде представлены работы, посвященные многоаспектному изучению проблем ономатологии на материале литератур Запада и Востока, а также Латинской Америки в хронологическом диапазоне от античности до рубежа XX–XXI вв. Речь идет о бытовании имени в литературной и культурной традиции. Имя понимается не только как имя собственное, но в широком смысле как именование вообще и художественный прием номинации в разных ее видах. Установлена сопряженность имени как формы, в которую отливается содержание и художественная мысль, с другими категориями теории литературы, такими, как: жанр, сюжет, мотив, образ, стиль. Обсуждение общетеоретических вопросов сочетается с анализом художественных произведений.

В оформлении переплета использовано изображение на альбоме средневековой и ренессансной музыки «Сияющая звезда» («Stelle splenens»). NOMEN EST OMEN — латинское крылатое выражение:
Имя — знак/предзнаменование; Имя говорит само за себя.

© ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, 2015
© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 6

I
В КОНТЕКСТЕ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ

Е.В. Иванова.
Философия имени в творческом наследии П.А. Флоренского 20

А.Г. Гачева.
От имяславия к имядействию. Концепция имени в трудах А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева 42

Н.Н. Смирнова. «Биография слова» в творчестве М.О. Гершензона: Именование образа совершенства 95

II
ИМЯ АВТОРА

Ю.Б. Орлицкий.
Имя автора и героя в заголовочном комплексе русской поэтической книги 114

И.Л. Попова.
Имя в литературной мистификации 129

О.А. Овчаренко.
Гетеронимия Фернанду Пессоа как способ самоинициации 156

III
ПОЭТИКА ИМЕНИ

Л.И. Сазонова.
Этимологизация имени как риторико-поэтический прием (на материале восточнославянской литературы раннего Нового времени) 170

Т.А. Алпатова. К вопросу о художественной функции имени в творчестве Н.М. Карамзина (От Лиодора к Леону) 194

В.Ш. Кривонос.
Плюшкин в «Мертвых душах» Гоголя: имя, фамилия, прозвище 207

А.Л. Лифшиц.
Как зовут персонажей комедии «Ревизор»? 217

Т.А. Касаткина.
К вопросу о функциях имен в произведениях Ф.М. Достоевского 231

К.А. Степанян.
Изменение имен (Рыцарь Печального Образа, Рыцарь бедный и Франциск Ассизский в пространстве романов «Дон Кихот» и «Идиот») 251

Э.Г. Шестакова.
Местоимение как имя в мире И.А. Бунина 268

Н.Г. Шарапенкова.
Имя как номинация и свернутый сюжет (роман Андрея Белого «Москва») 288

Н.К. Гей.
Имя как образ («Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова) 308

Т.В. Кудрявцева.
Средства ономапоэтики в создании имагологического портрета России (на материале немецкой поэзии) 327

З. Шолак.
Личное имя и его субститут в творчестве Иво Андрича 346

М.Ф. Надъярных.
Мифологика именования: опыт латиноамериканской словесности 355

Г.В. Стрелкова.
Как назову, такую и судьбу предскажу (ммена героев индийской литературы) 401

IV.
ИМЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Л.М. Кудинова.
Литературоведческие и лингвистические термины в названиях музыкальных произведений XX века 436

О.В. Сурминова.
Ономафония как феномен имени собственного в музыке второй половины XX — начала XXI веков 457

С.А. Небольсин.
Имя в бытовой и художественной культуре 473

Сведения об авторах 498

А.Л. Лифшиц

КАК ЗОВУТ ПЕРСОНАЖЕЙ КОМЕДИИ «РЕВИЗОР»?

Комментирование художественного текста не в последнюю очередь предполагает выявление авторских стратегий его порождения. Причем не только манифестированных или предназначенных читателю для разгадывания, но и таких, которые, несомненно, являются следствием рефлексии, но которые автор по каким-то причинам предпочел не афишировать. Обнаружение такого пласта, очевидно, во многих случаях может позволить по-новому взглянуть на текст и, как минимум, получить дополнительное представление об авторских интенциях. Особенно ценным представляется обнаружение спрятанных авторских стратегий в произведениях хрестоматийных, несчетное число раз становившихся объектом научного изучения.

Предлагаемая статья посвящена смыслам, которые до настоящего времени оставались незамеченными исследователями знаменитой комедии Н.В. Гоголя — тому, какую нагрузку несут имена персонажей комедии «Ревизор».

Нет необходимости доказывать, что имена в комедии, особенно в комедии классицистической или же связанной с классицизмом театральной и литературной традицией являются одним из элементов реализации авторского замысла, несущим на себе комическую, дидактическую или иную нагрузку. В «Ревизоре» это, разумеется, судья Ляпкин-Тяпкин, лекарь Гибнер, полицейский Держиморда... Список можно легко продолжить. Все они очевидным образом пополняют собой список говорящих фамилий русских комедий. Однако это именно что фамилии. Постараемся показать, что и *имена* как таковые (по крайней мере, некоторые имена) персонажей гоголевской комедии, подобно «Милонам» и «Прелестам» предшествующего века, являются носителями смыслов, хотя и не столь прямолинейных.

Насколько можно судить, недостаточная прозрачность загаданного писателем ребуса позволила смыслам, важным для понимания авторского замысла, ускользнуть от внимания современников Гоголя и продолжать оставаться неявными до настоящего времени.

Отправной точкой нашего исследования стало желание понять, что скрывается за одним из эпизодов комедии.

В десятом явлении четвертого действия комедии делегация купцов приходит жаловаться Ивану Александровичу Хлестакову на го-

родничего. Среди прочих приносится «господину финансову» и такая жалоба:

— *Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.*

На первый взгляд, сцена не требует никаких специальных объяснений. На самой поверхности лежит и без того всем очевидная жадность городского полицейского начальника, который хочет принимать материальные свидетельства оказываемого ему почтения как можно чаще, для чего придумывает «подходящий» предлог[1]. Дополнительный комический эффект возникает, разумеется, за счет фонетической анафоричности имен: начало имени [А]н-уфрий звучит так же, как Ан-тоний, что, тем не менее, не делает эти имена тождественными.

Прецеденты подобного рода способов удовлетворения потребностей известны с античных времен и тогда же описаны[2]. Так, Марк Валерий Марциал одну из эпиграмм начинает: «Чтоб просить и выклянчивать подарки, Раз по восемь ты, Клит, в году родишься...»[3]. Его предшественник Овидий предупреждает влюбленных о способности девушек праздновать день рождения несколько раз: «Ну, а что, коли в год она дважды и трижды родится / И приношения ждет на именинный пирог?»[4]

Был ли Н.В. Гоголь знаком с этой почтенной традицией и имел ли в виду именно ее, мы сказать затрудняемся. Однако нельзя не заметить, что именины все же не день рождения. На именины празднуется не просто повторяющаяся дата, но духовное событие, связываемое со строго определенным святым. Так что придуманный городничим предлог для обогащения представляет собой нечто совсем нетривиальное.

Случается, конечно, что человек празднует помимо основных именин, как правило, недалеко отстоящих от дня его рождения, еще и так называемые «малые именины»[5]. Это происходит в том случае, если

[1] Предшественники городничих — воеводы — получали подношения от «мира», как правило, еще чаще: в конце каждого из постов церковного годового круга; см., например: *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 311.

[2] Выражаю свою признательность А.И. Любжину, обратившему на этот факт мое внимание.

[3] Книга VIII. 64; стих приведен в переводе Ф.А. Петровского.

[4] Наука любви. Книга I, ст. 429–430; перевод М.Л. Гаспарова. Обратим внимание на то, что пирог является «именинным» все же не буквально.

[5] Благодарю М.А. Кучерскую, напомнившую мне об этой традиции.

церковным календарем предусмотрены два (а иногда и больше) дня празднования святого, именем которого человек назван в крещении. Самый известный пример — праздники, посвященные святому Николаю Мирликийскому, известные как «Никола Зимний» (6/19 декабря — день преставления святого) и «Никола Вешний» (9/22 мая — перенесение мощей святого из Мир Ликийских в Бари). Так, например, день тезоименитства императора Николая I праздновался именно 6 декабря, а майская память святого являлась, таким образом, малыми именинами самодержца. Напротив, сам Николай Васильевич Гоголь именины праздновал как раз в мае, следовательно, мог отмечать малые именины в декабре.

Однако Антоний и Онуфрий все-таки разные преподобные, так что Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, не довольствующийся одним «ангелом», существенно отличается от прочих смертных, населяющих Российскую империю, поскольку они вынуждены обходиться только одним тезоименитым небесным покровителем[6].

Известны, конечно, случаи особого почитания человеком какого-либо святого, который не является его небесным покровителем. Так, например, Петр Первый весьма почитал святого Исаакия Далматского, в день которого он был рожден. Хорошо известно также, что Иван Грозный особо почитал мученика Уара, которому посвящен придел в Архангельском соборе Московского Кремля. Можно, вероятно, вспомнить и другие похожие, но, тем не менее, маргинальные случаи. Но все же это всегда именно почитание святого, скорее сопоставимое с празднованием какого-нибудь престольного праздника, а не празднование вторых именин. Так что случай городничего Сквозника-Дмухановского следует признать беспрецедентным.

Отметим, кстати, что двойные именины городничего находятся в видимом противоречии и со словами самого Антона Антоновича, которые он произносит в первом же явлении первого действия комедии, характеризуя себя:

— *...а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви.*

Собственно, наличие двух христианских имен практикой православной церкви не предусмотрено, а это означает, что празднование именин дважды в год на память двух разных святых соответствует

[6] В данном случае мы говорим, конечно, о православных подданных, поскольку, как известно, католическая традиция вполне допускает наречение человека несколькими именами. Впрочем, Сквозник-Дмухановский, несмотря на то, что его фамилия вполне похожа на польскую, — не католик. Он, как мы знаем, ревностно посещает богослужение в православном храме.

только тому «твердому» представлению Сквозника-Дмухановского о христианстве, на которое счел нужным указать Гоголь.

Нельзя не упомянуть также, что появление у городничего второго имени до некоторой степени напоминает наречение новым именем при пострижении в монахи или при принятии схимы. Совпадение при этом начального звука имен, как известно, является почтенной традицией. Впрочем, после пострига представители черного духовенства, разумеется, не празднуют прежних именин, отказываясь от всей предшествующей жизни.

Однако человек, «твердый в вере», вероятно, должен был, по мысли Гоголя, иметь все же какие-то веские основания для празднования вторых именин, кроме желания получить подарки и частичного созвучия имен.

В связи с этим интерес представляют святые, на дни памяти которых приходятся «именины» городничего. Самый известный «Антон» — раннехристианский святой, преподобный Антоний Великий. Преподобный Онуфрий — в календаре единственный. Память первого празднуется 17 января, память второго — 12 июня. Конечно, почти полугодовой разрыв между празднованием именин — вполне достаточное основание, чтобы в пару преподобному Антонию выбрать преподобного Онуфрия и собирать обильный урожай приношений примерно через равные промежутки времени[7].

Впрочем, как кажется, есть еще одна причина. Наречение человека именем в христианстве, и Гоголь, разумеется, не мог этого не знать, изначально означает установление мистической связи нарекаемого с его небесным покровителем. При этом, если наречение ребенка именем святого, очевидно, ни в коей мере не зависит от воли этого ребенка, то выбор имени взрослым человеком, естественно, не может быть случаен. Так же хорошо известно, что нареченный именем святого становится своеобразным подражателем жития своего ангела[8]. О том, что для Н.В. Гоголя это было актуальное знание, свидетельствуют, в частности, исследования о сходстве Акакия Акакиевича Башмачкина

[7] То есть именины на Антония и на Онуфрия до некоторой степени похожи на зимнее и весеннее празднование именин Николаями (или на «рождественское» и «петропавловское» кормление воевод).

[8] В отдельных случаях сознательное или подсознательное подражание приводит к удивительному совпадению фактов жития преподобного и биографии носителя его имени. Ср., например, историю иеродиакона Кириака Ястребенского, подражавшего житию своего небесного покровителя Кириака-отшельника (см. об этом: *Лифшиц А.Л.* Кириак Ястребенский — неизвестный книжник второй четверти XVIII в. // Хризограф. М., 2005. Сб. II. С. 271–278).

из «Шинели» и святого Акакия Синайского[9]. Иными словами, Гоголь, заставляя своего персонажа выбирать себе второго небесного покровителя, декларирует тем самым, какому святому должен был бы подражать его герой.

Преподобный Онуфрий, известный больше как *Онуфрий Великий*, — раннехристианский подвижник, отличавшийся крайним аскетизмом. Около шестидесяти лет своей жизни Онуфрий Великий провел в удаленной от населенных мест части пустыни[10], где пищей его были вода и финики, а одеждой — листва той же выросшей чудесным образом финиковой пальмы. Пальма, по словам Жития преподобного, имела 12 ветвей, каждая из которых плодоносила в свой месяц, питая подвижника[11]. Подобно чудесной дарованной преподобному Онуфрию Богом пальме, с ветвей которой он собирает плоды, тезоименитого святому Онуфрию городничего питает обираемое им купечество захолустного городка.

Не исключено, что Гоголь рассчитывал на то, что это сравнение должно было прийти в голову читателям и зрителям комедии, знакомым с житийной литературой, проложными житиями или хотя бы со святцами. Ну а наречение старого коррупционера именем аскета тем более не должно было бы остаться незамеченным. Особенно полным комический эффект будет, если мы попробуем сравнить знакомое современникам Гоголя изображение святого Онуфрия — изможденный постом старец, чьи чресла перепоясаны листвой, — с предваряющим пьесу авторским описанием самого городничего.

Естественно, упоминание святого Онуфрия задает перспективу, в которой следует рассматривать и крестильное имя чиновника. Скорее всего его небесным покровителем являлся основатель аскетического монашества и один из самых почитаемых подвижников Антоний Великий. Он, как и Онуфрий, — пустынножитель, прославившийся, кроме того, борьбой с дьявольскими искушениями, которым, напротив, столь охотно поддается городничий. Заметим, что одним из ключевых моментов Жития преподобного Антония Великого является рассказ о том, как он услышал в храме евангельские слова: «...продай

[9] См., например: *Peuranen E.* Акакий Акакиевич Башмачкин и Святой Акакий // Studia Slavica Finlandensia. Tomus 1. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies. 1984. С. 123–140.

[10] Отметим совпадение (случайное ли?): вверенное надзору Сквозника-Дмухановского место находится в весьма удаленной части Российской империи (*«Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь...»* — действие I, явление 1).

[11] См.: *Димитрий Ростовский.* Жития святых. Июнь-август. М., 1764. Л. 80.

имение свое и раздай нищим...»[12]. Услышанное и положило начало подвигам святого, что Гоголь, естественно, знал, как прекрасно знал и текст Евангелия, и, возможно, рассчитывал, что это сумеют угадать в тексте комедии и его современники.

Заметим, что в отличие от преподобного Онуфрия, проводившего жизнь в полном уединении, святой Антоний Великий — признанный глава спасающихся в пустыне подвижников, подобно тому, как городничий — признанный глава городских чиновников, которые подчиняются исключительно его авторитету, поскольку не связаны с ним по службе формально[13].

Итак, задуманный Гоголем комизм жалобы купцов заключается, на наш взгляд, *прежде всего* в том, что «крепкий в вере» плут и вор, чье христианство очевидным образом ограничивается формальным соблюдением обрядов, сознательно выбирает себе в качестве жизненных образцов двух святых, прославившихся крайним аскетизмом, и настаивает на существовании между собой и преподобными мистической связи.

Замечательно также, что из всех возможных праведников, пустынников и бессребреников, каждый из которых вовсе недурно бы смотрелся в качестве небесного покровителя городничего, Гоголь называет двух святых, получивших в христианской традиции эпитеты *Великих*[14]. Как кажется, в этом содержится недвусмысленное указание автора на наполеоновский комплекс, манию величия городничего. Стоит вновь посмотреть, как описывает Гоголь своего героя: он «*ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно*» («Характеры и костюмы»). Он не просто отличен от всех его окружающих тем, что у него два небесных покровителя. Его покровители — *великие* святые, он — скромный, но знающий себе цену подражатель житиям *великих* святых, обладающий их небесным заступничеством[15].

Интересно заметить, что городничий, таким образом, стараниями автора оказывается человеком, не лишенным диковатой фантазии, а не только примитивным казнокрадом — тоже, надо сказать, верно

[12] См.: *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Декабрь-февраль. М., 1767. Л. 298.

[13] Не требует доказательств, что чиновники городка вполне могут соперничать со Сквозником-Дмухановским в аскезе.

[14] Кстати, святых, носящих такой эпитет, совсем немного — меньше десяти.

[15] Поскольку Сквозник-Дмухановский носит имя Антона Антоновича, то, надо полагать, Гоголь указывает на наследственный и, так сказать, *династический* характер «величия».

подмеченная гениальным писателем нередкая черта российского чиновничества.

Но вот представление городничего о собственном величии сталкивается с поэтическим враньем Хлестакова, обещающего Антону Антоновичу перемещение из захолустья и забвения в блистательную столицу. Нет ничего легче для человека, убежденного в своей значимости, чем поверить, что явление в его городишко Хлестакова — проявление давно ожидаемой заботы небесных соименников. Благодаря этому заступничеству великих преподобных величие Сквозника-Дмухановского будет, наконец, явлено миру, как после многих лет подвижнической жизни было явлено миру их собственное.

Как всем хорошо известно, в комедии так и происходит. Гоголь являет нам городничего во всей его величественной красе.

Дальнейшие наблюдения показали, что имена, которыми автор наделяет городничего, вовсе не являются исключением. Многие персонажи комедии тоже носят совсем не случайные имена.

Так, редкое и не слишком обычное имя носит в комедии судья. В ранних редакциях пьесы он именовался Макаром Николаевичем. Не исключено, что Гоголь имел в виду обыграть значение греческого имени. Греческое μακάριος означает *блаженный*. Весьма вероятно также, что писатель прекрасно знал о том, что именно с этого греческого слова начинается греческий текст Псалтири: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...».

Впоследствии же судья был переименован автором в Аммоса, что, на наш взгляд, должно и может быть объяснено.

Единственный Амос (Аммос), чьим именем мог быть наречен православный подданный Российской империи, — один из двенадцати так называемых библейских «малых пророков» пастух Амос, который прославился своими обличениями избранного народа и предсказаниями его грядущих наказаний. «Амос предсказывает грозный суд Божий на соседние с Иудеею земли и на самый Израиль, предостерегает, увещевает его, грозит ему и трогательно убеждает покаяться»[16]. Пророчество о суде Божием раскрывается в речах Амоса и в видениях. Грядущий Суд — основная тема его пророчеств и основное богословское содержание его книги[17].

[16] Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891. С. 44.

[17] Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. С иллюстрациями / Изд. преемников А.П. Лопухина. СПб., 1910. Т. 7. С. 159–160; Православная энциклопедия. [М., 2001]. Т. 3. С. 184.

Тема Божьего суда, казалось бы, — уже достаточный мотив для имянаречения судьи в комедии. Но Гоголь явно имел в виду большее. В конце концов, о грядущем Суде и необходимости покаяния говорится во многих книгах Библейского канона. Постараемся показать, что выбор пророка Амоса абсолютно закономерен. Именно в Книге пророка Амоса среди обличений грехов, которые мы во множестве находим в ней, немалое место уделено неправедным судьям, как одной из причин духовного оскудения избранного народа. Приведем наиболее характерные из них и наиболее уместные по отношению к уездному судье, носящему имя этого библейского пророка: «Продают правого за серебро и бедного — за пару сандалий» (2:6); «О, вы, которые суд превращаете в отраву и правду повергаете на землю!» (5:7); «...вы враги правого, берете взятки и извращаете в суде дела бедных» (5:12); «Вы ... суд превращаете в яд и плод правды в горечь...» (6:12).

Возможно, словами пророка «...вы попираете бедного и берете от него подарки хлебом...» (5:11) мотивировано рассуждение Ляпкина-Тяпкина о предпочтительности взяток в натуральной форме — борзыми щенками[18]? Меньшая, с точки зрения судьи, греховность таких взяток находится в явном противоречии со словами пророка, но сам Аммос Федорович — как раз пророк Амос наоборот, поскольку занят именно тем что так яростно обличает его небесный покровитель. Боговдохновенный пророк вещает о Последнем Суде, его тезоименник с той же страстью («*...просто волосы дыбом поднимаются!*» — свидетельствует городничий) говорит о сотворении мира. Причем подчеркивает, что он до этого «*сам собою дошел, собственным умом*» (действие I, явление 1), опять же диаметрально отличаясь от ведомого божественною силою пророка. Напомним, что Книга пророка Амоса начинается как раз с того, что это — «Слова Амоса..., которые он *слышал в видении...*»

И как грозное предупреждение судье и прочим персонажам комедии звучат слова пророка Амоса: «Истреблю судью из среды его и умерщвлю всех князей его вместе с ним, говорит Господь» (2:3).

Еще один чиновник с «неслучайным» именем — Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Имя Лука, которое он носит, традиционно этимологизируется в народном сознании как связанное с лукавством. Гоголь обыгрывает созвучие имени с *луком*, помещая нехитрый каламбур в письмо Хлестакова, которое дружно читают чиновники в предпоследнем явлении комедии: «*...Смотритель училищ протухнул насквозь луком...*».

[18] Весьма немалая стоимость породистого борзого щенка, конечно, тоже имелась в виду Гоголем.

Известно, однако, что *Лука* — распространенное, хотя, несомненно, некорректное сокращение имени *Лукиан*, иногда оба имени воспринимаются как одно. Весьма вероятно, что крестильное имя чиновника именно Лукиан, поскольку жена неоднократно называет его «Луканчик»[19].

Это, должно быть, еще одна шутка Гоголя, поскольку один из наиболее известных святых Лукианов — святой Лукиан Антиохийский (память 15/28 октября) — знаменит помимо прочего тем, что в городе Антиохии, в котором он был пресвитером, открыл школу. В этой школе им было собрано множество учеников, и он наставлял их книжной премудрости, а также занимался исправлением текстов Священного Писания, испорченных еретиками и переписчиками[20].

Надо ли говорить, что это опять же весьма непохоже на деятельность уездного чиновника?

Имя *Лукиан*, по одной из этимологий, происходит от латинского корня *lux*, означающего «свет». Называя чиновника «светлым» именем, едва ли Гоголь не имел в виду поговорку «ученье свет, а неученье — тьма». Вероятно, имел в виду и иное: «...если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф 6:22). Или даже слова из Евангелия от Луки: «...свет, который в тебе, не есть ли тьма?» (Лк 11:34).

Заманчиво рассмотреть, как связано имя персонажа с его фамилией. Лука Лукич носит фамилию Хлопов, производную, скорее всего, учитывая его раболепие, трусость, нерешительность и зависимость от жены[21], от польско-украинского слова *хлоп*[22], означавшего то же, что русское *холоп* — «раб, лично несвободный слуга».

«Истина сделает вас свободными», — сказано в Евангелии (Ин 8:32), но разве может интересовать истина раболепного смотрителя училищ?

Следуя выявленной нами логике имянаречения персонажей комедии, небесным покровителем попечителя богоугодных заведений

[19] Действие V, явление 6.

[20] См.: *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Сентябрь-ноябрь. М., 1764. Л. 196–198.

[21] «Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь завязнул», — признается Лука Лукич (IV, явл. 1). То, что в семействе Хлоповых командует жена, видно в 6-м явлении последнего действия комедии.

[22] Современное польское *chłop* означает «мужик, крестьянин». Семантический переход от значения «раб, холоп» вполне очевиден. Ср. также производное и вполне распространенное украинское слово хлопец, утратившее пейоративные коннотации.

Артемия Филипповича Земляники должен считаться какой-либо святой Артемий, прославившийся исцелениями. Из немногочисленных святых, носивших это имя, лучше всего подходит чрезвычайно почитаемый в России Артемий Веркольский (память 20 октября / 2 ноября)[23]. Кстати, соседство святого Лукиана Антиохийского и святого Артемия Веркольского в одном (октябрьском) томе популярного собрания агиографических сведений в данном случае представляется нам косвенным доказательством правильности предлагаемых нами рассуждений.

Житие святого Артемия Веркольского не содержит никаких сведений о жизни отрока, кроме обстоятельств его смерти от удара молнии, зато изобилует описаниями многоразличных исцелений, происшедших впоследствии от его мощей. Так что и в этом случае мы видим, что персонаж пьесы, как минимум, не стремится подражать своему святому.

Ну, а поскольку Артемий Филиппович исцелением вверенных ему больных не слишком озабочен, следует полагать, что молния, поразившая его небесного покровителя и ознаменовавшая святость и избранность последнего, в случае с попечителем богоугодных заведений обрушится на его голову Божьей грозой (или «электрическим потрясением» в финале пьесы, как иносказательно описывает это Гоголь в «Замечаниях для господ актеров»).

Нельзя не обратиться и к Ивану Александровичу Хлестакову. Эсхатологические мотивы, обнаруживаемые в тексте комедии, заставляют и его имя считать значимым. Он появляется как предшественник подлинного ревизора, как его *предтеча*, но названный в крещении Иоанном вовсе не спешит ни известить о скором пришествии ревизора подлинного, ни приготовить ему путь. Как и прочие персонажи, он незаслуженно носит данное ему имя, вовсе не стремясь подражать своему ангелу.

Возможно и другое объяснение имени Хлестакова, которое не опровергает предшествующее предположение, но позволяет считать второе не менее справедливым.

О.А. Смирнова-Россет в 1877 году записывает воспоминания о своем разговоре с Гоголем, состоявшемся в Париже зимой 1837 года, то есть менее чем через год после постановки «Ревизора» на петербургской сцене. Приведем их с незначительными сокращениями:

[23] См.: *Димитрий Ростовский.* Жития святых. Сентябрь-ноябрь. М., 1764. Л. 212 об.

«Раз говорили о разных комфортах в путешествии, и он сказал мне, что на этот счет всего хуже в Португалии, и еще хуже в Испании, и советовал мне туда не соваться с моими привычками. “Вы как это знаете, Николай Васильевич?” — спросила я его. “Да я там был, пробрался из Испании, где также очень гадко в трактирах. Все едят с прогорклым прованским маслом. Раз слуга подал мне котлетку, совсем холодную. Я попросил его подогреть ее. Он преспокойно пощупал рукой и сказал, что она должна быть так. Чтобы не спорить, я спросил шоколаду, который оказался очень хорошим, и ушел”. — “Неправда, Николай Васильевич, вы там не были, там все дерутся <...>, все в смуте, и все, которые оттуда приезжают, много рассказывают, а вы ровно ничего”. На все это он очень хладнокровно отвечал: “Вы привыкли, чтобы вам все рассказывали и занимали публику, чтобы с первого раза человек все выложил, что знает, что пережил, даже то, что у него на душе”»[24].

Большая цитата нужна ровно для того, чтобы увидеть разительный контраст, который составляет рассказанный Гоголем анекдот с реакцией писателя на обращенные к нему слова собеседницы.

Не так важно, бывал ли Гоголь в Испании и Португалии, или его описание нравов Пиренейского полуострова оказывается анекдотом вполне в духе поэтического вранья Ивана Александровича Хлестакова. Интересна в этом рассказе декларация гоголевского нежелания делать себя, свои чувства, мысли и воспоминания непременным и как будто естественным достоянием публики — черта личности писателя, которую так часто отмечали знавшие его современники.

Еще примечательнее то, что один из первых биографов Гоголя Пантелеймон Кулиш, пересказывая слова Александры Осиповны Смирновой-Россет[25] двадцатью годами ранее, чем они были положены на бумагу самой мемуаристкой, финальную реплику писателя записывает иначе:

«На что ж все рассказывать и занимать собою публику? Вы привыкли, что человек с первого раза все выхлестал, что знает, даже и то, что у него на душе»[26].

[24] *Смирнова-Россет О.А.* Из «Воспоминаний о Гоголе» // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. Ч. II. С. 465.

[25] «...я имею позволение представить здесь с ее слов некоторые ее воспоминания о Гоголе» (*Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. I. С. 206).

[26] Там же. С. 208.

Помимо куда менее сглаженного и менее нейтрального синтаксиса в тексте, записанном и опубликованном П.А. Кулишом, обращает на себя внимание экспрессивный глагол *выхлестать*, замененный в записках Смирновой-Россет синонимичным, но заметно уступающим в выразительности глаголом *выложить*. Полагаем несомненным, что нацеленный на как можно более точную фиксацию всего, что связано было с личностью писателя, Пантелеймон Кулиш не стал бы приукрашать речь Гоголя ярким словом, а значит, мог услышать его только от Смирновой-Россет. Александра Осиповна, в свою очередь, едва ли может быть заподозрена в подобной речевой экспрессии. Собственно, ее записки как раз подтверждают приверженность мемуаристки к литературной пристойности.

Глагол *выхлестать* в значении, употребленном Гоголем, производен от глагола *хлестать* в значении «бежать с великим стремлением»[27]. Писатель употребляет его для описания потока рвущихся наружу слов, которые человек не может или не желает удержать в себе. Именно глагол *выхлестать*, таким образом, является гоголевским словом для обозначения публичного и неудержимого речевого изъявления всего того, чем полон человек.

Очевидно, именно так мотивирована фамилия Хлестакова, который вовсе не склонен следить за своей речью, из которого *хлещет* все, особенно же как раз то, что у него на душе[28].

Итак, фамилия Ивана Александровича дополнительно указывает нам на значение неудержимой речевой стихии для образа Хлестакова. Его легкомысленная, перескакивающая с предмета на предмет речь — главная характеристика этого персонажа. Она, хоть и подчинена некоторым закономерностям, представляет собой образец суесловия.

Вероятно, нет необходимости специально доказывать, что святым Иоанном, которому *не подражает* словоохотливый, бесконечно завирающийся коллежский регистратор, является святой Иоанн Златоуст.

Чтобы предлагаемые построения и умозаключения не показались читателю слишком произвольными, обратимся к еще одному, второстепенному, герою пьесы.

Едва ли ошибемся, если предположим, что мало кто вспомнит имя этого внесюжетного персонажа комедии. Слесарша Пошлепкина жалуется на городничего, который незаконно «приказал забрить лоб в солдаты» ее мужу (действие IV, явление 11). «*Да мне-то каково без мужа, мошенник такой*!» — восклицает несчастная женщина. Собственно, это почти все, что мы знаем о ней.

[27] Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. VI. От Т до конца. С. 551.

[28] Насколько нам известно, никто не предлагал такого объяснения фамилии героя пьесы, хотя ее истолкованием занимались немало.

Если наши рассуждения верны, и Гоголь наделяет персонажей комедии значимыми именами, то эта героиня должна носить имя святой, которую невозможно представить без мужа.

И действительно, чуть раньше она представляется Хлестакову: «*...здешняя мещанка, Февронья Петрова Пошлепкина...*». «Петрова» — характерная для простонародной среды форма имени, в котором вместо отчества выступает притяжательное прилагательное от имени отца[29] с пропущенным вследствие очевидности обозначением степени родства, а то, что нами воспринимается как фамилия — ее предшественник — прозвище, личное или родовое. Юридические документы первой половины XIX века[30] и, конечно, более ранние изобилуют списками имен подобного вида. Наша героиня была бы записана в них как *Февронья Петрова дочь Пошлепкина*, а ее муж с большой долей вероятности должен был бы зваться *Пошлепкой*.

Но само сочетание имен Февронья и Петр, на наш взгляд, не может быть признано случайным; *Петрова*, несомненно, мотивировано *Февроньей*. Петр и Февронья — неразлучные супруги, русские Филемон и Бавкида — составляют и в языке пару. Известно, что «Повесть о Петре и Февронии» оставалась чрезвычайно популярной как минимум до конца XVIII века[31], а память святых (память 25 июня / 8 июля) отмечена в составе популярнейшего свода житий, составленного Димитрием Ростовским[32]. Таким образом, «Февронья Петрова» должно прочитываться еще и как *та самая Февронья*, у которой отняли ее супруга.

«Да мне-то каково без мужа, мошенник такой!» — звучит в этом контексте уже совсем иначе.

Это вопль о нарушении естественного, Богом установленного порядка вещей, свидетельство о мире, в котором оказываются разлу-

[29] Именно так называет свою героиню Гоголь в списке действующих лиц (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 4. С. 7). Правда, нам попадались издания, как правило, популярные, в которых она называется «Петровной».

[30] Можно встретить подобные формы имени и в юридической практике более позднего времени.

[31] См.: *Ржига В.Ф.* «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII века // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 431–436.

[32] См.: *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Июнь-август. М., 1764. Л. 168.

чены Петр и Феврония[33], в котором имя обличителя пороков Амоса носит судья, и близко не желающий знать, что такое правда и праведность, именем учителя и мученика Лукиана наречен бесконечно далекий от науки и учености титулярный советник, именем целителя называется наплевавший на больных чревоугодник, именем умного и красноречивого проповедника и величайшего из пророков награжден бессмысленный молодой человек, а именами великих подвижников бахвалится гордящийся собой вор и плут Сквозник-Дмухановский.

По отношению к предполагаемому правильному поведению христианина modus vivendi героев пьесы, несомненно, должен быть охарактеризован как «антиповедение», указывающее на пребывание их в потустороннем, перевернутом мире[34]. Иными словами, мир комедии «Ревизор» оказывается преисподней, пространством, в котором вещи предстают совсем не тем, чем должны быть, вывернутыми наизнанку, искаженными. Эта реальность ада открывается городничему в предпоследнем явлении пьесы, когда пелена самообольщения спадает с его глаз: «*Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего...*». И у нас нет никаких сомнений, что это те самые свиные рыла, которые маркируют пространство преисподней в повести «Пропавшая грамота», например, или в других повестях Гоголя.

Понятно, что в аду и не может быть ни одного положительного персонажа. Ответ Гоголя, что положительный герой в комедии — смех, это ответ людям, которые вовсе не разглядели основного смысла пьесы и которым Гоголь не надеется объяснить, почему это так.

Добавленная Гоголем реплика городничего: «*Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!.. Эх вы!*» — ни в чем не убедила зрителей и слушателей.

Преобразовать ад российской действительности Гоголь, но теперь не очень скрывая свой замысел, попробовал и еще раз — в «Мертвых душах». И вновь потерпел неудачу. То, что виделось Николаю Васильевичу преисподней, его читателей вполне устраивало, да и устраивает. Помилуйте, где ж тут ад? Даже смешно. Обычная и привычная российская жизнь.

---

33 «Они избавляли от власти обижающих тех, кто подвергался обидам», говорится в Житии, и это опять же прямо противоположно тому, что мы видим в комедии.

34 Ср.: *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре Древней Руси // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1994. Т. I. С. 328.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатова Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
Московский гос. областной университет

Гачева Анастасия Георгиевна,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Гей Николай Константинович,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Иванова Евгения Викторовна,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Касаткина Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Кривонос Владислав Шаевич,
доктор филологических наук, профессор,
Поволжская гос. социально-гуманитарная академия

Кудинова Людмила Михайловна
ведущий библиотекарь, Научная музыкальная библиотека
им. С.И. Танеева при Московской гос. консерватории
им. П.И. Чайковского.

Кудрявцева Тамара Викторовна,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Лифшиц Александр Львович,
кандидат филологических наук, доцент, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова

Надъярных Мария Федоровна,
кандидат филологических наук, ИМЛИ РАН

Небольсин Сергей Андреевич,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Овчаренко Ольга Александровна,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Орлицкий Юрий Борисович,
доктор филологических наук, профессор, РГГУ

Попова Ирина Львовна,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Сазонова Лидия Ивановна,
доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

Смирнова Наталья Николаевна,
кандидат филологических наук, ИМЛИ РАН

Степанян Карен Ашотович,
доктор филологических наук, журнал «Знамя»

Стрелкова Гюзель Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сурминова Ольга Викторовна,
кандидат искусствоведения, доцент, Казанская гос.
консерватория (академия) им. Н.Г. Жиганова

Шарапенкова Наталья Геннадьевна,
доктор филологических наук, профессор,
Петрозаводский гос. университет

Шестакова Элеонора Георгиевна,
доктор филологических наук, г. Донецк, Украина

Шолак Здравко,
доктор, профессор, г. Нови Сад, Сербия